

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ № 1 • 2008

ВНУТРЕННЯЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ

«Круглый стол» в рамках программы

«Религия, общество и безопасность»

28 ноября 2007 г.

Серия «Рабочие материалы» основана в 1999 г.

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009 Москва, Тверская ул., 16/2.
Тел.: (495) 935-8904.
Факс: (495) 935-8906.
Эл. почта: info@carnegie.ru.
Интернет: <http://www.carnegie.ru>.
Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги:
<http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации - Фонда Карнеги за Международный Мир.

Издание распространяется бесплатно.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по вышеуказанному адресу.

В издании отражены личные взгляды участников «круглого стола», которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Редактор А. И. Иоффе

Читателям предлагаются материалы «круглого стола», состоявшегося 28 ноября 2007 г. и посвященного положению в Иране. Вел «круглый стол» **Алексей Малащенко**, доктор исторических наук, профессор, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

В дискуссии приняли участие: **Сергей Демиденко**, специалист-эксперт Института стратегических оценок и анализа; **Сергей Дружиловский**, кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений; **Александр Игнатенко**, доктор философских наук, профессор, президент Института религии и политики, главный эксперт НИИ социальных систем МГУ; **Виктор Коргун**, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Афганистана Института востоковедения РАН; **Александр Лукоянов**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; **Нина Мамедова**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Ирана Института востоковедения РАН; **Азиз Ниязи**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, эксперт Центра стратегических и политических исследований; **Александр Полищук**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; **Раджаб Сафаров**, кандидат исторических наук, генеральный директор Российско-иранского делового совета при Торгово-промышленной палате Российской Федерации; **Антон Хлопков**, заместитель директора ПИР-Центра.

Малашенко: Друзья, мы начинаем наш «круглый стол» по Ирану. Тема — внутренняя ситуация в этой стране, что творится с экономикой, как обстоят дела в правящем классе, что представляет собой курс президента Ахмадинежада, в чем его успешность, а в чем провалы.

Попробуем следовать правилу старинной детской игры: «Вам барыня прислала сто рублей, черного и белого не покупайте, “Да” и “Нет” не говорите». Во-первых, попытаемся уйти от крайностей в оценках, во-вторых — от обсуждения иранской ядерной программы и всего, что вокруг нее происходит.

Поэтому не обижайтесь, если я буду всячески сдерживать стремление поговорить на эту тему. От нее, разумеется, не уйти, но пусть она останется фоном.

Мне иногда кажется, что во время дискуссий о ядерной программе, о том, каким образом это влияет на глобальную политику, как «иранская карта» разыгрывается Соединенными Штатами, Россией, европейцами, сознательно или вполне искренне забывают, как воздействует ядерный вопрос на ситуацию внутри самого Ирана, а главное, что, собственно, происходит в этой стране. В конце концов, «ядерный вопрос» возник не из-за каких-то международных конфликтов, но в определенном смысле из-за внутривнутриполитической обстановки в Иране. Временами кажется, что аналитики вообще рассматривают Иран чуть ли не исключительно как некий придаток к его ядерной программе. Занятно, что большинство экспертов по ядерной проблематике зачастую толком не разбираются в проблемах Ирана.

И последнее. Хотелось бы услышать ваши соображения относительно того, что ожидает Иран в будущем. Сохранит ли нынешний президент свое кресло? Ведь в мусульманском мире (да и не только там, в России, например, тоже) президент — это больше, чем президент. Он еще и национальный лидер, посредник между группами интересов, главный инициатор политической эволюции...

Итак, какова ситуация в Иране?

Мамедова: Сначала немного о политическом раскладе. Со времени инаугурации Махмуда Ахмадинежада в качестве президента прошло больше двух лет, т. е. более половины президентского срока. Выдвинув его как малоизвестную в стране в целом кандидатуру, консервативное иранское духовенство решало главным образом задачу снизить до минимума политическое влияние реформаторского крыла политической и религиозной элиты. Это сделать удалось. Каковы же результаты?

Правительство и законодательная власть не отказались от экономической либерализации. Реформы медленно, но идут. Провозглашенные экономические программы основной упор делают на приватизацию, поощрение частной предпринимательской деятельности, привлечение иностранного капитала. Одновременно правительство стало применять новые формы социальной поддержки. Был создан фонд для молодых семей, в конце 2006 г. стали выпускаться так называемые акции справедливости для малообеспеченных слоев населения, доходы на которые будут обеспечиваться за счет нефтяных поступлений, а также приватизации государственных компаний. Пока результатов нет, периодически вносятся добавления и поправки, касающиеся как определения тех, кто имеет право на получение акций, так и самих акций.

Законодательных изменений в сфере политики не произошло. Однако замедлился процесс регистрации партий, ощутимо снизился уровень открытости прессы. Усиление цензуры можно проследить на примере работы иранских сайтов.

Отстранение реформаторов от официальных структур власти принципиально не изменило спектр политических сил, но их соотношение, естественно, изменилось. Сначала перевес в сторону консерваторов с их относительно молодыми неоконсервативными лидерами Ахмадинежадом, Ходдад Аделем, Али Лариджани был очевиден. Но к концу 2006 г., когда началась кампания по выборам в Совет экспертов¹ и муниципальные советы, выяснилось, что население больше склонно поддерживать политический центр, да и реформаторское крыло достаточно успешно проявило себя на муниципальных выборах. В Иране это в значительной степени индикатор возможных результатов парламентских выборов, которые должны состояться уже в 2008 г.

Отражением усиления центра стало укрепление позиций Хашеми Рафсанджани как неофициального лидера «центристов», или прагматиков. Это в значительной степени явилось реакцией на радикализацию взглядов как «реформаторов», так и прежде всего консерваторов.

Одной из главных политических проблем 2007 г. было формирование нового состава Ассамблеи государственной целесообразности и выборы главы вновь избранного Совета

¹ Совет экспертов избирает главу страны — рахбара. Сам Совет экспертов, состоящий из 86 членов, избирается путем прямых выборов.

экспертов, на которых с большим отрывом лидировал Хашеми Рафсанджани. Рахбар¹ Али Хаменеи, который формирует Ассамблею, фактически оставил ее состав без изменений, и ее бессменный руководитель Рафсанджани вновь стал главой этого органа. Мне представляется также, что одним из главных изменений в структуре политических сил в 2006–2007 гг. является явно возросшая роль на политической арене Али Хаменеи — не как личности, а как рахбара страны. Поддержав Ахмадинежада на президентских выборах, он, безусловно, добился усиления значимости поста рахбара. Несмотря на периодически появляющиеся сообщения о болезни Хаменеи (а он действительно болен) и даже о его смерти, он очень часто принимает зарубежные делегации, выступает на общественных пятничных намазах по самым острым вопросам внутренней и международной жизни. Именно рахбар, а не органы законодательной власти (Меджлис и Наблюдательный совет), подписал в 2006 г. решение о принятии Двадцатилетней программы и Основных направлений Четвертого пятилетнего плана.

Все большую популярность получают идеи сохранения рахбара как религиозного лидера, но с ограничением его функций как деятеля государственного. Именно эти положения в философской концепции Абулкарима Соруша и в последних работах аятоллы Монтазери² привели их в лагерь оппозиционеров правящим силам.

Объективные тенденции развития государственности требуют демократизации власти с учетом специфики шиитской традиции, ее совместимости с принципами иджтихада³.

Отсюда необходимость ограничения власти рахбара, проблема выбора его не только представителями духовенства, но путем прямого и всеобщего голосования. Именно в этом видится показатель демократизации исламской системы власти, в то время как идеально созданная для сохранения авторитарной теократии конституционно-правовая основа ставит серьезнейший барьер на пути демократизации.

Политический процесс в Иране за последние два-три года усложнился. Партийная система и партийная жизнь не стали более «западными», хотя либеральные тенденции складывались при президенте Хатами. Система, на мой взгляд, сделалась даже в большей степени традиционной, опираясь не столько на родственно-групповые, сколько на религиозно-групповые связи. Появился, однако, новый аспект — все более острой становится борьба поколений, при этом молодежь, которая раньше в большинстве своем разделяла идеи «ирано-исламского шовинизма», все больше подпадает под влияние «западничества». Не случайно характерной приметой последних двух лет стали периодически происходящие студенческие беспорядки.

Наиболее серьезной религиозно-политической силой, поддерживающей Ахмадинежада, остается «Общество борющегося духовенства» (ОБД), мобилизующее в поддержку президента студентов медресе как альтернативу студенческому движению. Но единодушной поддержки в ОБД у Ахмадинежада нет, в основном из-за откровенно радикальных взглядов аятоллы Месбаха Йазди, безоговорочно поддерживающего радикализм Ахмадинежада. Группировка этого кумского аятоллы под названием «Сторонники Месбаха Йазди», входящая в ОБД, открыто заявляет о разногласиях не только с прагматиками, но и с традиционными консерваторами, выступая даже с критикой принципа выборности в Совет экспертов. «Абадгарян», объединение, ставшее политической опорой Ахмадинежада на президентских выборах, в настоящее время скорее поддерживает спикера Меджлиса Ходдад Аделя, нежели нынешнего президента.

Опорой Ахмадинежада является огромная прослойка провинциальной администрации. Он начал реальную децентрализацию государственного управления, не только проводя показательные выездные заседания правительства, но и перераспределяя значительный объем бюджетных средств, а также часть специального стабилизационного фонда, образованного за счет высоких цен на нефть, через местные бюджеты. Но и в провинции степень популярности Ахмадинежада стала снижаться. Если до 2007 г. его поездки по стране сопровождались церемониями, которые должны были продемонстрировать всенародную любовь, то уже с февраля 2007 г. пышность встреч пошла на убыль. И это очень показательно с точки зрения настроений не только населения (особенно во время мартовской поездки в Йезд), но и официальных СМИ. С тегеранской же администрацией во главе с мэром Мохаммедом Багером Галибафом отношения у Ахмадинежада крайне тяжелые.

Лидером реформаторов в настоящее время остается бывший президент Мохаммед Хатами, вставший после 2005 г. во главе второй крупнейшей организации духовенства — «Ассамблеи борющихся улемов». А ее бывший лидер Мехди Кяруби ныне возглавляет основанную им в

¹ Рахбар — лидер, глава страны.

² Один из старейших религиозных идеологов режима, занимавший высшие государственные посты, сейчас в оппозиции.

³ Право на толкование исламских норм.

2005 г. партию «Эттемаде мелли». На время декабрьских парламентских выборов 2006 г. реформаторам удалось достичь согласия и сформировать единый коалиционный список кандидатов, включивший и некоторых консерваторов, которых в иранской прессе даже стали называть фундаменталистами-реформаторами (*осульгафайане-эслахталаб*). Отражением укрепления позиций реформаторов в структуре власти стало назначение осенью 2007 г. главой Центрального банка страны одного из бывших министров в правительстве Хатами.

Однако разногласия по вопросам внутренней и внешней политики не привели к формированию политических партий, выступающих за изменение существующей системы. Так как инициаторами и лидерами всех оппозиционных течений в современном Иране являются либо религиозные деятели, либо лица, тесно лично с ними связанные, цели свержения исламского режима они ставить не будут.

О нелегальных партиях, борющихся за свержение режима в самом Иране, никаких данных нет. Те группировки, которые время от времени берут на себя ответственность за совершенные террористические акты, в основном в пограничных областях Ирана (большинство их — в Хузестане, Систане и Белуджистане), никак в политической борьбе не участвуют.

Среди оппозиционных сил наиболее влиятельной остается нелегальная партия «Моджахеддине хальк», базирующаяся в Ираке. Военные базы ее законсервированы, но не уничтожены. Руководство партии обратилось в Европейский союз с просьбой об исключении ее из списка террористических организаций.

В глазах общества антиамериканский и антиизраильский курс Ахмадинежада уравновешивается активизацией деятельности Ирана в региональных и международных организациях. В 2005 г. Иран был принят в качестве наблюдателя в Южноазиатскую ассоциацию регионального сотрудничества. В 2006 г. состоялась 7-я сессия Генеральной ассоциации азиатских парламентов, в 2007 г. в Иране работал исполнительный комитет 7-й сессии, по инициативе иранской стороны поставлена задача создать Азиатский валютный фонд. В рамках Организации экономического сотрудничества Иран участвует в восстановлении Афганистана.

В 2007 г. состоялось три раунда официальных переговоров с США по иракскому урегулированию. В октябре 2007 г. в Тегеране прошел саммит прикаспийских стран. Особенностью международного курса Ахмадинежада стала открытая поддержка шиитских экстремистских организаций в странах Ближнего Востока.

Теперь об экономической ситуации. Существуют прогнозы относительно ухудшения положения в результате применения экономических санкций. Однако есть факторы, смягчившие замедление роста экономики. Хотя динамика изменения ВВП Ирана и отличалась значительными колебаниями, в целом она была положительной, а среднегодовые темпы прироста составили в 2000—2006 гг. 5,7%. При этом темпы роста ВВП, взятого без нефти, опережали темпы роста общего ВВП. Из-за осложнения отношений Ирана с мировым сообществом, развития ядерной программы и снижения притока иностранного капитала прогнозируется снижение темпов прироста ВВП в 2006—2010 гг. до 4,7%. Мировые аналитические центры прогнозировали в 2006 г. снижение иранского ВВП. Однако главным образом из-за цен на нефть прирост ВВП (в постоянных ценах) составил за 2006 г. 5,8%.

По данным Всемирного банка, валовый национальный доход на душу населения в Иране в 2006 г. составил 3000 долл. на душу населения, а с учетом паритета покупательной способности — 8500 долл., т. е. превышает уровень большинства стран региона, и Иран попадает в группу стран со средним уровнем дохода.

В то же время доля населения, живущего ниже черты бедности, достаточно велика — 40%. Поддержка бедняков через социальные программы, через исламские фонды, попытки сохранить низкие цены на важнейшие товары (а это составило более пятой части всех бюджетных расходов) не прервали тенденцию расслоения общества.

Норма капиталовложений к началу 2006 г. составила 37%. Ее рост в последние годы обеспечивался за счет вложений в оборудование, при этом 85% этих вложений обеспечивал частный сектор. Это в значительной степени компенсировало падение ВВП в предыдущие годы и стало вторым по значимости фактором в 2005—2007 гг., обеспечив рост ВВП. Но уже с 2005 г. темпы прироста валовых капиталовложений стали снижаться (в 2006 г. — до 5,8%) из-за падения деловой активности частного сектора в результате санкций, наложенных на Иран Соединенными Штатами и Советом Безопасности ООН. Норма капиталовложений также снизилась к марту 2007 г. до 33%.

Особенно настораживают данные о движении иностранного капитала. Если при правительстве Хатами приток иностранного капитала повышался, то объем накопленных прямых инвестиций уменьшился к началу 2007 г. до 30 млн долл. А это значит, что проекты по освоению

месторождений, которые могли бы дать быстрый экономический эффект, откладываются. Так, в начале 2007 г. причиной забастовки рабочих и подрядчиков стала задержка освоения месторождения «Южный Парс». К числу негативных последствий нужно отнести то, что не удалось остановить рост инфляции. Правда, за 2006 г. общий уровень инфляции снизился до 13,6%, но зато рост индекса потребительских цен оказался выше — 15,8%, и данные за первое полугодие 2007 г. говорят о начавшемся витке инфляции, вызванном ростом цен на топливо. При этом все расчеты по Четвертому пятилетнему плану, а следовательно, и бюджетные показатели, исходят из среднего уровня 9,9%. Так как Четвертый план предусматривал полную отмену дотаций на топливо к марту 2009 г., можно прогнозировать и дальнейший рост инфляции. Пока с инфляцией удастся справиться, отчасти увеличивая импорт (из-за высоких цен на нефть), но при этом возникает большое негативное давление на отечественную промышленность. Одновременно это усиливает импортную зависимость Ирана от стран Европейского союза, хотя экспортные потоки нефти Иран постепенно переориентирует на Китай, Индию, Южную Корею. Введение эмбарго на поставки бензина в Иран, конечно, сыграло на дестабилизацию внутренней ситуации, а введение квот на его продажу в самом Иране привело к волнениям. Но было сразу же разрешено участие частного капитала в нефтеперерабатывающей промышленности, лицензии выдавались главным образом на заводы по производству бензина, также усилен таможенный контроль на границах с Пакистаном и Афганистаном.

Очень остро стоит проблема занятости. Официальный уровень безработицы в 2006 г. составил 12,8%, в 2007 г. он прогнозировался до 15%, а это почти 3 млн человек. Особенно напряженной представляется ситуация в Большом Тегеране с его населением в 13,4 млн (без учета нелегальных мигрантов, численность которых оценивается в 5–6 млн человек). В 2006–2007 гг. были разработаны проекты развития малого бизнеса, специальные программы за счет нефтяного стабилизационного фонда. Но справиться с безработицей пока не удастся.

Таким образом, при Ахмадинежаде такие проблемы, как безработица, инфляция, растущее расслоение общества, остались не решенными, и не исключено, что при обострении внутриполитической ситуации правящее духовенство может пожертвовать нынешним президентом.

Малашенко: Коллеги, мы приступаем к вопросам и комментариям.

Дружиловский: Как соотносятся обещания, которые делали Ахмадинежад и его команда в период предвыборной кампании, и те показатели, которые мы сегодня имеем по результатам пятилетки, и какова реакция социумов на эти результаты?

Мамедова: Было два ряда обещаний. Одни касались чисто экономического роста, и, на мой взгляд, пессимистические прогнозы, гласившие, что ВВП Ирана в результате санкций значительно сократится, в общем не оправдались. Конечно, сыграли свою роль и фактор роста нефтяных цен, и повышение норм капиталовложений, которых смогло добиться правительство.

По данным постоянных оценок экономический рост превышает 5%-ный уровень. Конечно, это ниже показателя Четвертого пятилетнего плана (6%), но близко к нему.

Теперь о социальном аспекте. Ахмадинежад победил на выборах благодаря социальной программе. Должна сказать, что правительство продолжает абсолютно ту же политику, т. е. помогает через мечети, помогает через закупочные цены, через фиксированные цены на основные виды продукции — в основном на топливо и хлеб. Исключение — только 2007 г. Кроме того, созданы новые инструменты этой политики — фонд для молодых семей, «акции справедливости».

Хлопков: У меня два вопроса. Первый о тенденциях в сфере инвестиций. Каковы они с приходом Ахмадинежада? Второй: те цифры, которые вы называли и которые еще назовете, — это официальная иранская статистика?

Мамедова: Это не иранская статистика. Чтобы ко мне не было никаких претензий, я взяла международную статистику. От Всемирного банка и из мировой статистики я взяла только данные по I кварталу 2007 г. Других нет. В 2006 г. норма инвестиций в Иране составила 37% — это действительно много. После введения санкций рост сократился, и начался отток иностранного капитала. Приток на начало 2007 г. составил только 30 млн долл. (по данным Всемирного банка). Для Ирана это ничтожно. В среднем в год обычно выходит 2 млрд долл. Уровень капиталовложений несколько снизился, и сейчас инвестиционный коэффициент составляет 33% — тоже довольно высокий, и, главное, норма капиталовложений имеет оптимальную структуру. Большая часть инвестиций идет в оборудование, а не в заверщенное производство, как у нас и в других странах, а это уже реальные мощности. Кроме того, 80% инвестиций — это вклад частного сектора, что характеризует устойчивость системы.

Ниязи: Нина Михайловна, внутренние инвестиции растут на фоне ухода иностранного капитала. Тогда каков процент внутренних инвестиций?

Мамедова: 33%. Это отношение к ВВП.

Ниязи: Второй вопрос о ценах на энергоносители. Говорят, они резко поднялись.

Мамедова: Да. Вас, вероятно, интересуют цены на бензин? Закупочные цены поднялись, поэтому в 2007 г. Меджлис даже принял закон об ограничении продажи бензина. Постановление Меджлиса позволяет повышать цены на топливо на 20%. В 2007 г. в связи с тем, что были введены санкции на импорт бензина, цены тоже были подняты. Но самым негативным моментом для населения было введение ограничительных квот. Однако правительство смогло смягчить негативные последствия этих санкций, дав разрешение частному капиталу на строительство новых нефтеперерабатывающих заводов, и лицензии давались именно в том случае, если вводились мощности по производству бензина. Один из заводов уже введен в действие. В Иране нехватка бензина объяснялась не только несбалансированностью производства, расточительностью внутреннего потребления, но и нелегальным экспортом. Очень много вывозилось в Афганистан и Пакистан. Эти границы сейчас перекрыты.

Дружиловский: Я недаром задал вопрос Нине Михайловне о реализации социальной и экономической программы. Ахмадинежад пришел к власти на фоне разочарования реформами Хатами в экономике и социальной политике. В области политической либерализации Хатами сделал гигантский шаг вперед, и понадобится еще не один год, чтобы подняться до этого уровня открытости. Сегодня закрыто многое, что было сделано при Хатами: интернет-кафе, целая серия журналов (я насчитал наименований 40). Теперь посмотрим на нынешние показатели жизненного уровня. Нина Михайловна говорит, что ВВП повысился на 2% по сравнению с тем, что было в предыдущий период. Если Ахмадинежад удержится у власти, тогда, может быть, все встанет на свои места, потому что его команда сделала огромный вклад в рост внутренних капиталовложений, т. е. в заводы и фабрики, которые сейчас строятся и дадут продукцию через два-три года. Пока это снижает рост ВВП, уровень жизни населения. Поэтому и приходится прибегать к выдумкам с «акциями справедливости», которые неизвестно где и кому дают. Здесь популизм чистой воды, и понятно, что никто ничего не получит. Хотя, с другой стороны, для Ахмадинежада это единственный шанс поддержать стабильность, объяснить, что скоро все будет хорошо. Дело не в акциях как таковых, а в хорошем заделе. Это похоже на эпоху шаха. Он раскрутил машину, но не успел получить отдачу. Чем и воспользовалось духовенство. Ахмадинежад сознает, что ему любой ценой нужно продержаться еще один срок, если он хочет доказать, что его курс правилен. Дадут ли ему такую возможность и сможет ли он это доказать — большой вопрос.

Еще в 2005 г. в США было принято решение взять курс на подрыв режима изнутри. На это выделяются средства. В 2007 г. было выделено 75 млн долл., совершено покушение на Ахмадинежада в Белуджистане, организованы теракты в арабских регионах Ирана, оказывается поддержка курдским сепаратистам в Ахвазе.

Тут говорилось об оппозиции. Да, она появилась. До 2005 г. терроризм был эфемерен, но сейчас теракты происходят. Хотя в Иране при его системе сыска и круговой поруке это из ряда вон выходящее явление. Позиции Ахмадинежада сейчас шатки. На него давят. Я не говорю об оппозиции Хатами — это не оппозиция, строго говоря, а другая фракция, которая исповедует те же цели, но хочет их достичь иными средствами. Хотя эти люди открыто говорят, что внешняя политики Ахмадинежада провальна.

Надо учитывать реакцию молодежной среды. Ведь многие молодежные лидеры сегодня сидят в тюрьме. Посажены они Ахмадинежадом и компанией, их время от времени вытаскивают на телевидение, они там каются, тем не менее все знают, что за этими людьми правда. Я считаю, что в обозримом будущем единственный шанс Ахмадинежада состоит в том, чтобы снизить накал этих страстей, и если он этого не сделает, у него не будет шансов на переизбрание.

Мамедова: Хочу напомнить, что 40% населения по официальным данным живет ниже черты бедности. Официальный уровень безработицы — около 13%. В 2007 г. прогнозировалось до 15%. А это более 3 млн человек. Правительство Ахмадинежада, конечно, пытается разрабатывать программу развития малого бизнеса, специальные программы для среднего бизнеса. Для этого используются средства нефтяного стабилизационного фонда. Но пока снижения уровня безработицы не наблюдается.

Демиденко: Каково ваше мнение относительно отставки главы Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) Сафави. Ведь так много звучало суждений по этому поводу. Что это: провал КСИРа во внутривнутриполитических делах? Или, наоборот, Сафави набрал такое влияние за те десять лет, когда возглавлял КСИР, что стал опасен?

Дружиловский: Все, что связано с КСИРом, комментировать очень трудно, потому что это закрытая организация, но мы знаем, что КСИРом руководит не кто иной как рахбар Хаменеи. Отсюда понятно: что-то произошло между рахбаром и Сафави. Никто кроме рахбара не может убрать главу КСИРа — ни президент, ни парламент. Это был бы моветон. Значит, была договоренность очистить место для более приспособленного к нынешним условиям человека (КСИР делал много заявлений и в связи с молодежными выступлениями — «гнать поганой метлой»). Может быть, Хаменеи не понравилось, что КСИР пытается принимать решения, которые относятся только к компетенции рахбара.

Мамедова: Я могу добавить, что отставка Сафави последовала после причисления Соединенными Штатами КСИРа к отряду террористических организаций. Это тоже надо учитывать.

Коргун: В выступлениях Нины Мамедовой и Сергея Дружиловского шла речь о студенческих волнениях, выступлениях, беспорядках. И в этой связи меня интересует поддержка Ахмадинежада со стороны студенчества. Какая часть студентов его поддерживает? Это один вопрос. И второй вопрос. Я не уверен, что все выступления и беспорядки стихийные. Вероятно, есть какие-то силы, которые направляют, организуют молодежь. Есть ли среди студенчества какие-то политические группировки, движения, течения, вожаки, которые действительно руководят им или пытаются направить протесты?

Мамедова: Студенческая организация уже давно существует. У меня нет сведений о легальных студенческих организациях, являющихся противниками Ахмадинежада. Когда он выступил в Колумбийском университете, на следующий день произошли волнения в Политехническом университете им. Амир Кабира под лозунгом «Чем мы хуже американцев?». Недовольство проявляется чаще в тегеранских вузах, где сосредоточена основная часть студенчества.

Дружиловский: Можно добавить, что молодежные объединения все-таки сами по себе не существуют. Они коррелируют свою деятельность с более «взрослыми» организациями, в том числе с «Организацией борющегося духовенства», которая имеет свою молодежную среду. У движения «Каргазаран» — своя молодежная среда. А та организация, о которой вы говорили, — единственная более или менее самостоятельная, потому что ее организовал Хомейни. Он выстраивал ее, чтобы сбить волну марксизма и капитализма с Востока и с Запада. После Хомейни эта организация раскрутилась самостоятельно, ее лидеры повторяли: «Мы знаем, что делаем, потому что нас организовал сам Хомейни». Потихонечку они перешли на реформаторские позиции.

Игнатенко: Вопрос к Сергею Дружиловскому. Вы сказали, что США в 2005 г. приняли программу подрыва иранского режима изнутри. А затем сразу стали говорить о том, что есть разные оппозиционные движения включая «Армию освобождения Ахваза». Вы считаете, что это движение и другие подобные ему — результат активности США?

Дружиловский: Глубоко в этом убежден. Потому что до этого ничего подобного не было. Хомейни с помощью обязательного введения в парламент представителя от религиозных меньшинств, направления значительных средств на подъем окраин, призывов к «созидательному джихаду» сдерживал национализм и сепаратизм. Откуда они пришли снова? Откуда средства? Все нити тянутся за кордон, где находятся лидеры этих организаций — будь то Моджахеды или сидящая в горах Демократическая партия иранского Курдистана. Их центры располагаются в Афганистане и Пакистане. Кто их кормит? Откуда у них силы для организации покушений на президента? С 2005 г. американцы реально стали рассматривать возможность воздействовать на режим изнутри, создавать «пятую колонну». Я никогда не верил в их заявления, что они будут бомбить Иран, и считаю, что все это чепуха. Единственный шанс — подорвать режим изнутри, и этот шанс у них есть. Потому что подросло новое поколение, которое не участвовало в Исламской революции и никакого отношения к ней не имеет. У них иные ориентиры, они решают другие задачи. Им надо есть, им нужна крыша над головой, им надо создавать семьи, растить детей. А для этого требуется изменить социально-экономическую ситуацию. Значит, рано или поздно поднимется новая волна недовольства. Во что она выльется? В выборы нового президента? Вполне возможно. Духовенство на этом играет. Аятоллы то одного подставляют, то второго, то третьего. Хороший полицейский, плохой полицейский. Но всему есть пределы. Многие говорят: «Сколько можно? Мы уже три раза прошли одним путем, на одни и те же грабли наступали». Значит, надо менять сам режим. Потрясения возможны. И в США на это рассчитывают.

Игнатенко: Маленькая реплика. Я помню, что еще до начала иракско-иранской войны на территории Ирана было достаточно мощное движение, которое финансировали и вооружали

иракцы, конкретно — режим партии Баас. Война между Ираком и Ираном шла именно за господство над этим регионом. Я подозреваю, что интерес к Ирану есть не только у Соединенных Штатов, которые хотели бы его ослабления и даже обрушения, но и у соседних арабских государств. Речь идет о Саудовской Аравии, о том же Ираке.

Дружиловский: Тем не менее движение за освобождение иранского Курдистана практически никакого эффекта не дало. Проживающие в Иране арабы остались верны Ирану, и ни одного сепаратистского восстания на территории Хузестана не было. Сейчас мы наблюдаем нечто иное. Движение за освобождение Ахваза — это уже реальная организация, способная на силовые вооруженные акции. Я каждый раз задаюсь вопросом: откуда деньги, откуда ноги растут?

Малашенко: Еще немного, и мы заговорим об «оранжевых революциях». Конечно, «оранжизм» (непонятно, правда, какого цвета) в Иране будет готовиться. И без внешней поддержки ему будет непросто. Я имею в виду в том числе и иранскую эмиграцию. Кстати, в этом отношении Иран чем-то напоминает Россию. Однако, похоже, какого-то серьезного плана поддержки оппозиционных сил ни у кого нет. Какое-то время на Западе просто не верили, что режим Хомейни и его последователи — это всерьез и надолго, рассматривали Исламскую революцию как уникальную мутацию, позже надеялись на эволюцию. А когда спохватились, выяснилось, что многое уже упущено.

Полищук: Я хочу обратить внимание на то, что говорила Нина Михайловна: у иранского руководства есть своя так называемая генеральная линия. В Иране существует плановая система управления экономикой, 70–80% экономики находится в руках государства. Социально-экономическое развитие основывается на пятилетних планах. Перспективные планы развития (до 2025 г.) и среднесрочные планы (на пятилетку) разрабатываются государственными институтами и утверждаются духовным лидером страны.

Правительство вносит существенный вклад в разработку пятилетних планов и стремится реализовать свои идеи при определении основных направлений социально-экономической и культурной политики. Далеко не все задуманное удастся реализовать в силу объективных и субъективных причин экономического и политического характера. В частности, приватизация реализуется крайне медленно и непоследовательно. Тем не менее именно в последние годы в Конституцию были внесены поправки, направленные на снижение роли государства в экономической жизни. Приватизация будет осуществляться поэтапно. На нынешнем этапе планируется приватизировать (акционировать) 25 крупных компаний с сохранением 20% акций в руках государства.

Независимо от того, кто конкретно возглавляет правительство, среди руководства Ирана существует консолидированная линия реализации социально-экономических задач, вырабатываемая с участием соответствующих министерств и ведомств и утверждаемая духовным лидером страны. Приемы и способы реализации этих задач, в том числе и политические методы, могут меняться, но суть остается неизменной — сохранение, укрепление и совершенствование существующей политической системы.

Во внутренней политике в этих целях осуществляется жесткий контроль над общественно-политической жизнью. Периодическая печать подвергается строгой цензуре. Получение лицензий на выпуск периодических изданий и регистрация партий и общественных движений затруднены. Средства массовой информации контролируются государством через радиотелевизионную сеть «Голос и облик Исламской Республики Иран», подчиняющуюся руководству страны.

В январе 2007 г. в Тегеране были арестованы сотни бастовавших водителей автобусов. В марте полиция разогнала демонстрацию по случаю Международного женского дня 8 Марта.

Существующая в стране система контроля всех сфер деятельности со стороны назначенных лидером представителей клерикальных консервативных кругов не позволяет проводить какую-либо радикальную самостоятельную политику даже президенту — достаточно вспомнить безуспешные попытки президента Хатами либерализовать режим.

Многие в Иране, особенно молодежь, разочаровались в Хатами, который, по их мнению, предал дело реформ. Он в известной степени сам стал заложником и жертвой существующей политической системы, которая остается консервативной и способной лишь к медленной и ограниченной эволюции.

Однако с точки зрения сохранения политической стабильности внутри страны такая устойчивость может быть расценена как положительный фактор. Следует учитывать, что большинство населения видит основную проблему Ирана не столько в развитии демократических институтов, а прежде всего в улучшении экономической ситуации, снижении разрыва между бедными и богатыми и поднятии жизненного уровня.

Не надо забывать, что сам Ахмадинежад пришел к власти в 2005 г. в результате поддержки представителей средних и низших классов, исповедующих традиционные ценности. Кроме того, для многих религиозно ориентированных иранцев в сельской местности, армии, государственном аппарате правительство остается основной идеологической опорой и экономической базой существования.

Противоречивая экономическая политика президента Ахмадинежада вызывает критику со стороны определенной части депутатов парламента, чиновников и экономистов. Социально-экономические инициативы Ахмадинежада могут в перспективе дать положительный эффект, но в настоящее время он теряет поддержку населения. На выборах в местные органы власти и Совет экспертов в декабре 2006 г. его кандидаты не были поддержаны избирателями.

С момента прихода к власти Ахмадинежад старается на многие ключевые посты в экономическом блоке поставить своих сторонников. Как правило, это далеко не профессионалы. Замена высшего управленческого звена привела практически к приостановке нормальной деятельности многих министерств и ведомств почти на год. В последнее время наблюдается продолжение этой тенденции. Однако можно предположить, что не все замены инициируются в настоящее время самим президентом. Тем не менее в ноябре Меджлис утвердил предложенных Ахмадинежадом кандидатов на посты министра нефти (вместо Хамане — Нозари) и министра промышленности и горных дел (вместо Тахмасеби — Мехрабияна).

Выступая в основном с популистскими лозунгами борьбы за справедливость (прежде всего социальную), Ахмадинежад вынужден продолжать принятый ранее курс на снижение государственных субсидий, которые тяжелым бременем ложатся на экономику.

По данным Международного валютного фонда, субсидии на энергоносители в 2005–2006 гг. составили 17,5% ВВП, а всего за этот период на субсидии ушло до 25% ВВП. Например, до 40% потребляемого в стране бензина импортируется, что требует значительных государственных дотаций. С конца июня 2007 г. начался первый этап реализации программы экономии бензина. По словам замминистра нефти Неэманзаде, к ноябрю 2007 г. в результате принятых мер был сэкономлен 1 млрд долл., а потребление бензина сократилось на 22%. Следующий этап экономии вступает в силу с конца декабря 2007 г. Меры по введению квот на бензин вызвали широкое недовольство. Некоторые бензоколонки были разгромлены и сожжены. До настоящего времени существуют проблемы нехватки так называемых *карте сухт* (аналога талонов на бензин). В целях экономии бензина развернулась борьба против использования государственного транспорта в личных целях (для частного извоза).

Ахмадинежад ввел в практику регулярные поездки по провинциям для принятия оперативных мер по улучшению экономической ситуации на местах. В ноябре 2007 г. начался новый тур поездок по стране. В частности, президент посетил провинцию Ардебиль. Одной из основных целей этих поездок является осуществлении планов по благоустройству (*тархха-йе омрани*). В ходе первого этапа поездок в 2006–2007 гг. на реализацию этих планов было направлено 15 млрд долл. В плане бюджета на следующий 1387 г. (2008–2009 гг.) предусматривается из общей суммы расходов в 64 тыс. млрд риалов более 20 тыс. млрд истратить на осуществление планов по благоустройству по всей стране (11 тыс. млрд риалов на общие национальные проекты и 9 тыс. млрд на благоустройство провинций).

Официально декларируемыми целями этих поездок являются:

- укрепление, расширение и углубление связей между народом и властями;
- активизация реализации планов благоустройства и планов социального и культурного развития;
- совершенствование административно-управленческой системы и борьба с бюрократией.

В целях реализации установок на приватизацию выдвинута идея распределения так называемых акций справедливости приватизируемых предприятий среди населения. Процесс продвигается довольно медленно, так как он недостаточно продуман и организован.

Еще одним мероприятием по оказанию поддержки малоимущим слоям населения можно считать создание беспроцентного банка «Мехре Иран» с уставным капиталом в 22 тыс. млрд риалов, в учреждении которого участвовали все государственные и ряд частных банков. Банк будет иметь 2 тыс. отделений по всей стране.

С учетом возможных негативных последствий от экономических санкций, а также в связи с падением курса доллара Иран принял решение отказаться от расчетов в долларах во внешнеторговых операциях по продаже нефти. В настоящее время, как заявил заместитель главы Иранской национальной нефтяной компании по внешним связям Ганими Фард, средства, получаемые от продажи нефти, представлены на 20% в иенах и на 80% в евро.

По словам заместителя министра экономики и финансов, целью экономической политики правительства на данном этапе являются:

- снижение вмешательства центра в экономическую деятельность;
- поддержка частного сектора;
- совершенствование банковской системы и повышение эффективности ее деятельности;
- борьба с безработицей.

Правительство продолжает усилия по реализации заданий Четвертого пятилетнего плана по 8%-ному росту экономики в год. Однако, по оценкам, в 2006 г. темпы экономического развития составили 4,8%, что свидетельствует о его замедлении.

Что касается создания новых рабочих мест, то эта проблема для Ирана крайне важна в связи с ростом населения и увеличением доли в нем молодых людей, нуждающихся в приложении своих сил. Как известно, с 1979 г. население страны удвоилось и составляет, по оценкам, более 70 млн человек, причем молодежь составляет большую его часть.

Для трудоустройства молодой рабочей силы необходимо ежегодно создавать 800–900 тыс. рабочих мест, что пока недостижимо из-за ограниченных возможностей экономики страны.

Безработная молодежь все чаще встает на путь употребления наркотиков, алкоголя, предается азартным играм, пополняет ряды преступников. Широко распространена проституция. В настоящее время правительство проводит кампанию борьбы с аморальным поведением молодежи под названием «Тархе амниате ахлагхи» («План обеспечения моральной безопасности»). В ходе облав задерживаются группы нарушителей закона. По данным иранских средств массовой информации, до 30% арестованных осуждены на длительные сроки лишения свободы. 31 человек казнен (по состоянию на ноябрь 2007 г.).

Таким образом, с приходом к власти Ахмадинежада наблюдается крен в сторону так называемой неоконсервативной линии во внешней и внутренней политике. В то же время он вынужден действовать в рамках выработанной ранее руководством страны линии на социально-экономическое развитие, одобренной духовным лидером и утвержденной парламентом. В этой связи его попытки резко отойти от этой консолидированной линии вызывают противодействие как умеренно-консервативного, так и умеренно-реформаторского крыльев правящего духовенства. Этот фактор обостряет внутреннюю ситуацию в стране. В результате резких заявлений Ахмадинежада по вопросам внешней политики (прежде всего антиамериканских и антиизраильских), отказа от пересмотра курса на развитие возможностей по обогащению урана и в свете возможных санкций Совета Безопасности ООН внешнеполитическое и экономическое положение Ирана существенно осложнилось. Если попытки укрепить режим за счет усиления консервативных тенденций не дадут результатов (а это скорее всего так и будет), руководство страны может пойти на замену президента или смену курса на умеренно консервативный и более прагматический. Иран не откажется от антиизраильской позиции и будет проводить собственную линию в вопросе палестинского урегулирования. Соединенные Штаты оказались не способны в одиночку решить проблемы, с которыми они столкнулись в Ираке, и поэтому вынуждены налаживать диалог с Ираном, без активного участия которого невозможно добиться укрепления безопасности в регионе. Это обстоятельство позволяет надеяться на возможное смягчение политики Вашингтона по отношению к Ирану и поиск компромисса по вопросу реализации иранской ядерной программы.

Сафаров. К сожалению, не могу согласиться со многими выступившими. Потому что ситуация в Иране понимается превратно или не даются реальные оценки процессов, которые происходят в стране. Совсем недавно Ахмадинежада обвиняли в том, что он увлекся внешней политикой и не обращает внимания на внутреннюю и запустил ее. Это не совсем так, поскольку он как никто другой регулярно совершает поездки, каждый месяц по два-три раза, в разные провинции Ирана, а всего их 30. Причем он посещает не благополучные провинции, а выбирает регионы, так сказать, случайно. И везет с собой всю свою команду. Мы ретранслируем его выступления через агентство IRAN NEWS (<http://www.iran.ru>), и могу сказать, что он на месте принимает до десятка важных решений, и это не популизм, он ставит конкретные задачи.

Действительно, мир столкнулся с феноменом Ахмадинежада. Он харизматическая личность, поскольку любой другой политик, находясь в ситуации Ахмадинежада, провалился бы — или народ отправил бы его в отставку. Санкции сильно ударили по экономике Ирана, по инфраструктуре народного хозяйства. Говорят, что влияние санкций незначительно. На самом деле отменены сотни жизненно необходимых контрактов, которые обслуживаются даже европейскими банками. В Иране сегодня нет упорядоченной оппозиции, нет лидеров, признанных народом. Есть протесты, есть требования решать совершенно конкретные вопросы.

В прошлом году была волна студенческого протеста. Студенты требовали изменить квоту бесплатного обучения. Политического протеста не было. Рейтинг Ахмадинежада за последние два года как никогда высок. Когда он пришел к власти, его никто не знал. Иран проголосовал за молодого технократа в ожидании мер по улучшению ситуации. Люди выбрали меньшее из зол. Рафсанджани — человек олигархической системы. С ним все ясно. Ахмадинежад дистанцировался от религиозного руководства. Кстати, до этого он полтора года был мэром Тегерана, и его результаты в управлении городом были вовсе не блестящи. В общем, накануне выборов Ахмадинежад не был популярен, и его победа была не очевидна. Сейчас его рейтинг — 63%. В Иране нет институтов общественного мнения, как у нас или на Западе, а есть фонды, которые дважды в год проводят исследования. И они действительно дают реальную картину, поскольку респондентов (4000 человек) выбирают из разных регионов и разных слоев населения. Вот почему я считаю: для того чтобы, имея таких экономических конкурентов, как Турция, Саудовская Аравия, страны Персидского залива, имея таких соседей, как нынешний Ирак, конфликтный Афганистан, находясь под давлением Запада во главе с США, умудриться держать руку на пульсе и управлять государством, требуется колоссальный талант. Кто-то сказал, что на первые роли выдвинулся духовный лидер Ирана Али Хаменеи, но по логике вещей так и должно быть. Ведь Ахмадинежад практически вызывает огонь на себя. Несмотря на огромное внешнее давление, он ни на шаг не отступил от своих позиций по отношению к ядерной программе. Более того, весь мир постоянно уговаривает руководство Ирана, предлагает любые компромиссы, самый широкий по спектру и диапазону договор с Евросоюзом в сфере торгово-экономических отношений. США и ЕС готовы подписать любое соглашение, по которому Иран будет на полноценной основе присутствовать на мировом энергетическом рынке. Есть планы участия Ирана в тех транснациональных проектах, о которых он мечтал десятилетиями. И все же если все эти предложения ставятся в зависимость от отказа от ядерной программы, особенно той ее части, которая связана с обогащением урана, Иран не может на это пойти.

Могу согласиться с теми участниками нашего «круглого стола», которые считают, что внутренняя ситуация в Иране достаточно стабильна и нет никаких предпосылок, чтобы в ближайшее время ожидать каких-то политических потрясений. Некоторые государства, в частности США, в таких потрясениях крайне заинтересованы. В Америке поняли, что удар по ядерным, стратегическим объектам Ирана — еще не решение иранского вопроса. Иран располагает возможностью ответных действий, и если дело до этого дойдет, то, как говорится, мало не покажется. США все активнее поддерживают и внутреннюю, и внешнюю оппозицию, чтобы расшатать ситуацию в Иране. По-моему, этот вариант абсолютно бесперспективен. В Иране среди оппозиционеров нет харизматических лидеров, в том числе молодежных. Более того, большинство населения с пониманием относится к действиям правительства и духовного лидера и считает, что нет оснований выходить на улицу и требовать смены правительства. Во всяком случае, не было еще ни одного серьезного выступления против духовенства. Отдельные протесты имеют конкретный адресный характер. Я считаю, что ситуация достаточно прогнозируема, и в ближайшее время сработают те заделы, которое нынешнее правительство подготовило в экономике. У Ахмадинежада есть серьезные предпосылки, чтобы претендовать на второй срок.

Малашенко: Хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Из истории хорошо известно, что когда лидер возит с собой правительство по всей стране и на месте принимает решения, как Ким Ир Сен, например, это свидетельствует о слабости власти и экономики. Я не хочу сравнивать Ахмадинежада с Рамзаном Кадыровым, потому что Чечня маленькая, а Иран большой. Тем не менее для меня это какой-то показатель. В Чечне послевоенная ситуация. Там мелочный контроль, может быть, и оправдан. Далее. Не знаю, уместна ли такая постановка вопроса, но все же предположим на секунду, что Ахмадинежад пойдет на уступки в ядерной программе, — ведь ситуация не может все время находиться в тупике. К чему, с вашей точки зрения, это может привести: к росту его популярности или, наоборот, это будет воспринято как отступление? Это вопрос для всех.

Мамедова: В какой мере? Что вы имеете в виду, говоря, что он пойдет на уступки?

Малашенко: На уступки в самом широком смысле. Не полный отказ, конечно, а готовность отказаться от полного цикла переработки.

Полищук: Поскольку вопросов к Раджабу Сафарову не было, их задам я. Он в своем выступлении сказал, что все наши оценки, которые здесь прозвучали, абсолютно нереальны. Это не совсем так. Во-первых, если говорить об экономической составляющей, то буквально в июне 2007 г. 50 известных экономистов направили письмо Ахмадинежаду с критикой его экономической политики. Это происходит уже во второй раз за два года. Продолжается чиновничья,

министерская чехарда. В ноябре 2007 г. были заменены министр нефти и министр промышленности и горных дел. То есть экономические проблемы пытаются решить путем перестановки руководителей. Я совершенно согласен с председательствующим — это вряд ли сильная сторона президента, когда он по всей стране таскает за собой министров и руководителей ведомств. Конечно, это популизм. Официальный пресс-секретарь Ахмадинежада обозначил цель начавшегося в ноябре 2007 г. второго тура поездок по стране как укрепление, расширение, углубление связей между народом и властями. Далее — активизация реализации планов благоустройства и планов социального и культурного развития, совершенствование административной управленческой системы и борьба с бюрократизацией системы. Вот так сейчас официально эти цели обозначены инициатором поездок, т. е. президентом.

Мамедова: Я в чем-то согласна с Раджабом Сафаровым. Для развития страны нужны и освоение новых месторождений, и большие проекты и т. д. Но почему-то он считает, что правительство и Ахмадинежад сильны, так как всем этим президент жертвует ради сохранения своей ядерной программы. Программа полного топливного цикла — его идефикс, я бы сказала. Нужно все-таки взвесить, насколько важнее то или иное направление. Иран сейчас находится в таком состоянии, что для того чтобы повысить жизненный уровень населения хотя бы до уровня соседней Турции (я уже не говорю о странах Персидского залива), ему нужны нормальные внешнеэкономические связи. А прирост ВВП в 2007 г. ниже, чем в предыдущем году, и прогнозируется, что будет все ниже. Сейчас Иран как никогда заинтересован в подъеме экономики, у него огромные ресурсы, открыты новые месторождения нефти и газа. И президент, и правительство обязаны воспользоваться постоянным ростом нефтяных цен и освоить эти месторождения. Туда уже пошли иностранные капиталы. Но Раджаб правильно сказал, что теперь многие эти проекты рушатся, потому что нет возможности воспользоваться иностранными технологиями. Действительно, если мы посмотрим на платежный баланс, баланс услуг, которые Иран предоставляет и которые он оплачивает, то получится отрицательное сальдо. Если благодаря нефти торговый баланс положителен, то баланс услуг глубоко отрицателен. Это показательно и очень тревожно. Забастовка нефтяников в 2007 г. связана с задержкой освоения месторождения «Южный Парс» (это было забастовка не только рабочих, но и администрации). Разработка «Южного Парса» затормозилась. А успешное завершение этого проекта Ирану крайне необходимо. И требуется иностранный капитал. Освоение новых производств предоставило бы Ирану гораздо больше экономических возможностей, сделало бы режим и политически сильнее, чем собственный полный топливный цикл.

Ситуация в стране совсем не так безоблачна, как представляется Раджабу Сафарову. Ни одна из главных проблем — безработица, инфляция, растущее расслоение общества — не решена. Коэффициент Джини (показатель различия в доходах общества, разделенных на десять групп) вырос. При реформаторском правительстве Хатами этот коэффициент не менялся, а при радикальном Ахмадинежаде с его популистской политикой он растет. Думаю, если ситуация не изменится и придется делать выбор, то духовенство вполне может пожертвовать нынешним президентом.

Дружиловский: У меня очень короткая ремарка. Вы, Раджаб, говорите, что рейтинги в Иране никто не контролирует. То, что какой-то фонд подсчитал, — на его совести. Допустим. Но согласитесь, что в значительной степени популярность Ахмадинежада обусловлена двумя факторами: ядерной программой и его антиизраильской риторикой. Всё. Об экономике могут быть разные мнения, но по этим вопросам большинство высказывается единодушно. Это, так сказать, общеиранское дело. Отсюда и высокие рейтинги президента.

Полищук: Я хочу добавить, что раз Иран не собирается отказываться от антиизраильской риторики и вообще от своего внешнеполитического курса, то перспективы установления нормальных отношений с другими странами, в том числе с США, учитывая тамошнее израильское лобби, довольно сложны.

Хотя если Иран все же решит улучшить отношения с США за счет отказа от своих ядерных амбиций, такой поворот выглядит вполне реально. И в Иране есть силы, которые так рассуждают. Можно даже говорить об умеренно консервативных силах и бизнесе, который в этом заинтересован. По большому счету правящая иранская элита, власть хочет существовать, а не заниматься самоубийством. Может быть, это громко сказано. Но идея выживания и сохранения власти — самое главное для высшего слоя. И на этом фоне режиму Ахмадинежада надо быть осторожнее и определяться, чего он хочет.

Сафаров: Попробую ответить на ваши вопросы. Во-первых, начну с высказывания о двух составляющих высокого рейтинга Ахмадинежада. Безусловно, вы правы относительно анти-

израильской риторики. Она рассчитана на внутреннюю аудиторию. Это очевидно. На нее же рассчитана и пропаганда ядерной программы. Но имейте в виду, что это национальная идея Ирана. Любой политик, даже духовный лидер страны, не способен свернуть эту программу, даже снизить ее нынешний уровень. Помимо антиизраильского курса и ядерной программы есть, однако, и другие аспекты, которые способствуют позитивному рейтингу президента.

Вы правы, Ахмадинежад не может прекратить антиизраильскую риторику, поскольку очень многие считают, что проблемы, с которыми сталкивается Иран, идут от Израиля. Сама Америка, дескать, не относится к Ирану плохо, но ее подталкивает в этом направлении еврейское лобби. Иранцы обращают свой гнев, так сказать, на первоисточник. Кроме того, есть мнение, что если пойти на поводу у американцев, согласиться на приостановку обогащения урана, это будет, во-первых, поражением, а во-вторых, не даст никакого результата. Зато станет признаком слабости иранского государства. Тогда шаг за шагом американцы и израильтяне начнут ставить новые условия, чтобы вообще прекратить эту программу.

По поводу плачевного положения экономики. Такая ситуация возникла вследствие действий западных государств. После революции, провозглашения в 1979 г. Исламской республики Запад обещал Ирану золотые горы и уговаривал не тратить огромные деньги на строительство нефтеперерабатывающих заводов. Сейчас Иран удовлетворяет свои потребности в готовых энергоресурсах на уровне 33%. В страну, которая является четвертым экспортером нефти среди стран ОПЕК, завозится 70% бензина. Это нонсенс.

И Япония, и Испания, и многие другие страны убеждали Иран подписать долгосрочные контракты якобы для того, чтобы ему не пришлось тратить на строительство заводов: дайте нам сырую нефть, а мы ее для вас переработаем. Сколько вам надо будет нефти — столько и обеспечим. Действительно, на фоне ирано-иракской войны, возникших трудностей в экономике эти предложения были для Ирана заманчивы. Но сегодня, когда под давлением США поставки прерваны, а контракты не выполняются, Иран столкнулся с огромными проблемами. Сейчас на одного автолюбителя отпускается в день три литра бензина. Если бы такая ситуация была в России, то, я думаю, президент и правительство протянули бы не больше двух-трех месяцев. Так что в экономических трудностях Ирана во многом повинен Запад.

Позиция Ирана укладывается в международные нормы, а политика Запада в отношении Ирана эти нормы нарушает. Тогда с какой стати Иран должен идти на уступки, если кому-то просто не нравится его политика?

Игнатенко: Я уже говорил, что не являюсь специалистом по Ирану, я там даже ни разу не был. Слушая выступавших, я испытывал чувство восторга от уровня знания и проникновения в ситуацию наших иранистов. Здесь собрались люди, которые досконально знают положение в Иране вплоть до самых пикантных мелочей. Но, с другой стороны, в какой-то момент я поймал себя вот на какой мысли: если слово «Иран» заменить на другое, например, на «Венесуэла», то содержание этого разговора для непрофессионального слушателя совершенно не изменится. Подобного рода процессы — социальные проблемы, политика, плохой менеджмент, пятилетний или четырехлетний план и все прочее — существуют во многих странах.

Здесь же самое главное понять, что происходит именно с Ираном, что с ним произойдет. Например, если какие-то силы, в частности упоминавшиеся здесь США, захотят нанести удар по Ирану. Или достигнут ли они успеха, если поставят цель развалить Иран изнутри? И сможет ли им кто-нибудь помешать? Да и кто вообще друзья Ирана? Гипотетически это Россия и Венесуэла.

Задача формулируется концептуальная, теоретическая: найти то самое «яйцо Кошеч», в котором есть игла, а в игле — смерть Кошеч. И от того, смогут ли враги иранского режима добраться до этой иглы или удастся ее сохранить в целостности, зависит, как будет складываться его судьба. Да и что это за игла? С точки зрения непрофессионала (прошу надо мной не смеяться) суть этой иглы состоит в том, что Иран является «политическим уродом» на Востоке. Что я имею в виду? Никогда в истории Ближнего Востока не было государств, которыми руководило бы духовенство. Были исключения: одно, два или три.

Коргун: А как же Афганистан, талибы, Ирак?..

Игнатенко: Я цитирую в данном случае Бернарда Льюиса.

Коргун: С ним можно поспорить. Я категорически не согласен с его подходом к Ближнему Востоку.

Игнатенко: Так вот, я цитирую Льюиса: «в классическом исламе не было такого института священнослужителей, который мог бы управлять государством или оказывать решительное давление на тех, кто управлял». Льюис совершенно верно утверждает, что Хомейни и его пре-

емники, верховные правители, эти самые рахбары, — новшество XX столетия. К слову, и авторитетный историк Ирана Ники Кельди тоже констатирует, что «прямое правление улемов, или духовенства, является новинкой для шиизма». Кроме Льюиса и Кельди есть еще другие свидетельства. Если посмотреть на династические государства мусульманского Востока на протяжении всей его истории, полистать справочник Босворта «Мусульманские династии», то выясняется, что Льюис все-таки прав. Посмотрите, практически 100% таких государств создавались либо военными командирами (чаще), либо родоплеменной аристократией (реже). Да, исключения бывали. Но, простите, одну династию в Индии вообще создал евнух. И что из этого следует?

К чему я это говорю? К тому, что для Ближнего Востока типичны такие государства, как Турция, Пакистан, Иран при шахе и т. д. А Иран — «политический урод».

И сейчас в стране есть такой фактор, который работает на разлом Ирана. Это взаимоотношения между духовенством и армией. Я имею в виду не Корпус стражей Исламской революции, а профессиональную армию. Вот где, как это ни парадоксально, находится та самая игла, в которой жизнь и смерть нынешнего режима. И я совсем не исключаю, что если вдруг начнется вторжение на территорию Ирана, то на первых порах произойдет то, что случилось в Ираке. Ирак сдался практически без боя. Если бы не несколько идиотских ходов американцев, там не случилось бы того, что мы сейчас наблюдаем. Не исключено, что в случае вторжения извне армия, своя армия Иран сдаст. Возможно, это звучит парадоксально, но мне так кажется.

Малашенко: Речь не «неспециалиста», но мужа. Хочу заметить, что Иран действительно временами похож на некоторые другие страны, но сам же Александр Игнатенко только что говорил о его специфике. Да, по-моему, и все присутствующие тоже рассуждают именно об иранских особенностях.

А что касается поведения армии и общества в случае внешней агрессии, то она может спровоцировать гражданскую войну. Причем даже более тяжелую, чем в Ираке. Помнится, накануне удара по Ираку в журнале «Тайм» было опубликовано интервью с неким багдадским инженером, который сказал: «Многие из нас при виде американских солдат заплачут от радости, но потом мы возьмемся за оружие».

Лично я думаю, что вторжения в Иран не произойдет. Но разговор вокруг этого гипотетического вторжения — по сути дела дискуссия о внутренней консолидации иранского общества.

Лукоянов: Внутренняя ситуация в Иране представляется достаточно неопределенной. Одно ясно: иранцы утомились от режима, поскольку муллы по большому счету не оправдали их надежд. Причем невысок авторитет как самого президента Махмуда Ахмадинежада, так и религиозного лидера страны аятоллы Али Хаменеи. По данным опросов, проведенных летом 2007 г. интернет-изданиями «Руз» и «Базтаб», всего 10% респондентов высказались в поддержку президента.

И это видно невооруженным глазом. Например, по тому же иранскому телевидению. Надо видеть, как дремлют слушатели, когда выступает президент. Мы наблюдали, как муллы читают занудные проповеди и поучения о нравственности, от которых народ устал и которым уже не верит, поскольку в стране продолжается социальное расслоение и увеличивается разрыв между полюсами богатства и бедности.

Тегеран по-прежнему разделен на две части — бедную южную и богатую северную. Правда, после революции там поселились многие из бывших «революционеров», о чем народ знает, и значительно выросли цены на недвижимость. Стоимость квадратного метра жилплощади в северном Тегеране в настоящее время достигает 10 тыс. евро.

В Иране говорят о том, что муллы и их семьи по баснословным ценам скупают недвижимость в западных странах, что позволяет руководству этих государств закрывать глаза на санкции.

Стоимость жизни в Тегеране по ряду позиций (в частности, цены на некоторые продукты питания) приближается к московским показателям. Зарплаты невысокие. Правда, от иранцев приходилось слышать, что минимальная зарплата сейчас 200 или даже 300 долл. Трудно в это поверить, поскольку в 2004 г., по иранским данным, минимальная зарплата рабочего составляла около 4 долл. в день, и маловероятно, что она увеличилась за три года в несколько раз. Если даже так, то иранцам не хватает средств, чтобы поддерживать желаемый уровень жизни. Именно желаемый. Странно было слышать от иранца, что он хочет ограничиться только одним ребенком, поскольку жизнь стала очень дорогой. К тому же в Тегеране пропало из свободной продажи сухое молоко, необходимое для детского питания. Средства требуются и на оплату обучения детей за границей, в том числе и в Америке. Как сказал один тегеранец, получающий пенсию в 500 долл. (как имеющий ранения участник войны он ушел на пенсию в 40 лет), «Я

кричу: «Смерть Америке!», но у меня там дочь на врача учиться, а мне надо деньги зарабатывать на ее обучение». Что он и делает, работая таксистом.

Сильно ударило по уровню жизни населения удорожание бензина, повлекшее рост цен. Летом, по иранским данным, около 750 бензоколонок подверглось нападению и разграблению. Имели место случаи поджогов. Вину за нехватку бензина справедливо возлагают целиком на руководство страны. В Иране в октябре 2007 г. я слышал, что власти сознательно не хотели строить нефтеперерабатывающие предприятия, поскольку чиновники коррумпированы и лично заинтересованы в том, чтобы препятствовать реализации планов по их строительству. Власти получали свою долю от поставщиков бензина. Вполне логично. По крайней мере, точка зрения, что Иран якобы послушал Запад и потому не стал строить нефтеперерабатывающие заводы, выглядит, мягко говоря, неубедительно. Напомним, что действующие нефтеперерабатывающие предприятия построены еще шахом, во времена которого не было проблем с бензином. С тех пор население страны увеличилось вдвое, и, естественно, возросли потребности в топливе.

Кроме того, в Иране задают вопрос: куда идут деньги от продажи нефти? Почему даже в России ощутимы результаты использования этих средств, а в Иране нет? Не видно заметных проектов, не происходит обновления авиапарка, не поддерживаются многие проекты, предлагаемые богатыми иранцами, живущими за рубежом.

В стране снова растет национальное самосознание. Причем националистически настроенным иранцам не нравится политика руководства, направленная на поддержку палестинцев и конфронтацию с Израилем, поскольку это идет в ущерб национальным интересам, так как очень много средств направляется на так называемые исламские и антиизраильские проекты. Деньги на них часто тратятся безотчетно, в то время как эти средства могли бы оставаться в стране и использоваться для повышения уровня жизни иранцев. «Мы не арабы, — говорят сторонники такого подхода. — Какое нам дело до конфликта палестинцев и евреев? Пусть сами разбираются. А нам из-за палестинцев нечего портить отношения ни с Западом, ни с тем же Израилем, который нам лично ничего плохого не сделал».

Примечательно, что на тегеранском рынке мы видели золотые кулоны размером больше пятирублевой монеты с изображением шаха Ирана. Значит, они востребованы. А вот книг аятоллы Хомейни «Кашф-е асрар» («Раскрытие тайн») и «Хокумат-е эслами» («Исламское правление») мне купить так и не удалось. Не потому, что их нет в Тегеране, а потому, что не хватило времени, чтобы найти книжный магазин, где они продаются. При этом книги Али Шарийати и даже его работы на CD-дисках, которые власти не особенно жаловали, поскольку он был против установления власти мулл, продаются во всех магазинах на книжной улице Тегерана (улице Фирдоуси) напротив Тегеранского университета.

Саммит прикаспийских государств стал той поддержкой, которой не хватало режиму. В какой-то степени саммит и присутствие на нем президента России Владимира Путина оказало стабилизирующее влияние на ситуацию в Иране и обеспечило нынешнему руководству поддержку дополнительных миллионов иранцев. Однако если этот шанс не будет использован руководством Ирана для поднятия уровня жизни населения, Ахмадинежад будет устранен самой системой.

Что касается возможной атаки США на Иран, то эта тема эффективно используется иранским режимом для сохранения своих позиций.

Реальных массовых антизападных и даже антиамериканских настроений в Иране давно нет. Мы знаем, что где-то сохранились лозунги, но мы их не видели, и не только в Тегеране. Более того, в Куме есть аятоллы, которые открыто выступают за восстановление отношений с США.

Хлопков: Во-первых, хотел бы обратить внимание на терминологию, которую мы используем при обсуждении вопросов ядерного топливного цикла Ирана. В настоящее время не вполне корректно говорить о том, что Иран активно реализует программу по развитию замкнутого ядерного топливного цикла. Действительно, Иран активно занимается отработкой технологий, связанных с производством ядерного топлива, которое загружается в энергетические реакторы, включая добычу урана, его обогащение и пр. При этом, однако, отсутствует информация о том, что иранские эксперты ведут интенсивные работы по технологиям переработки отработанного ядерного топлива, которое из реактора выгружается. Более того, иранское руководство в последнее время заметно реже оперирует термином «замкнутый ядерный топливный цикл», сконцентрировав свои усилия, в том числе пропагандистские, вокруг программы по обогащению урана. Последняя, к слову, достигла заметного прогресса в последние месяцы, однако прогресс этот скорее количественный, чем качественный. Если весной 2006 г.

на предприятии в Натанзе было установлено 164 центрифуги, то по состоянию на осень 2007 г. их там уже порядка 3 тыс.; при этом эффективность установленных центрифужных каскадов остается достаточно низкой.

Во-вторых, не могу согласиться с тезисом, что атомная энергетика в Иране станет давать электроэнергию, которая будет дешевле вырабатываемой тепловыми станциями на газе. Минимальная стоимость одного атомного энергоблока мощностью 1000 МВт сегодня составляет порядка 1,5 млрд евро, а новых более мощных блоков — и того больше. Недавний контракт между Китаем и Францией предусматривает строительство двух энергоблоков мощностью 1700 МВт ценой 4 млрд евро каждый. Литва при участии приграничных государств (Латвии, Эстонии и Польши) рассчитывает построить аналогичный энергоблок, имея бюджет порядка 3,5 млрд евро. Помимо этого не следует забывать, что за последние пять лет десятикратно выросли цены на уран, который является топливом для реакторов. Несмотря на все эти факторы, стоимость электроэнергии, вырабатываемой АЭС, может быть самой низкой по сравнению с получаемой на других видах энергетике, в таких странах, как, например, Венгрия, которая не обладает собственными запасами углеводородов. Но Иран входит в первую мировую пятерку по запасам газа и нефти. Таким образом, экономических причин строительства АЭС в Иране, на мой взгляд, искать не стоит. При этом с точки зрения диверсификации энергетике и перспектив иссякаемости углеводородов развитие атомной энергетике — шаг вполне оправданный и логичный.

Учитывая поддержку программы развития атомной энергетике подавляющим большинством населения Ирана, да и элитой страны, не думаю, что в случае прихода нового президента в ходе очередных выборов программа развития атомной энергетике будет свернута. В то же время в связи с отсутствием экономической базы для современной программы развития атомной энергетике ее масштабы могут быть скорректированы. Нынешние планы строительства 20 атомных реакторов, «заимствованные» у шаха, вряд ли имеют шансы на реализацию в обозримой перспективе.

В-третьих, несколько слов относительно того, ударит администрация Буша по Ирану или нет. Было интересно услышать, что в среде российских иранистов мнения распределились в соотношении 80 : 20 в пользу того, что нынешняя американская администрация не решится на военную агрессию против Ирана в той или иной форме. Мне чаще доводится обсуждать вопросы ядерной программы Ирана в среде экспертов в области нераспространения. Так вот, там картина обратная — я бы сказал, что 80% российских экспертов в области нераспространения по-прежнему считают, что угроза военного удара достаточно высока. И уже в кулуарах международных конференций и семинаров часто приходится слышать и от иранских, и от американских экспертов (в первую очередь симпатизирующих демократам и ныне работающих в научно-исследовательских институтах): «Вы, русские, значительно преувеличиваете угрозу односторонней военной операции США против Ирана».

В-четвертых, дискутируя относительно российской политики в отношении Ирана, не следует забывать, что Россия не относится к приоритетам иранской внешней политики в стратегической перспективе. Более того, достаточно часто зарубежные коллеги рассказывают, что иранские представители начинают встречи словами: «Мы не доверяем русским — поэтому давайте рассматривать возможность сотрудничества по широкому спектру направлений с вами». При этом нужно признать, что экономическая база двусторонних российско-иранских отношений достаточно слаба, чтобы служить эффективным балансом для поддержания современного уровня партнерства двух стран в будущем. Если ежегодный российско-иранский товарооборот составляет порядка 2 млрд долл., то товарооборот между Ираном и Европейским союзом — около 20 млрд евро. Многомиллиардные энергетические контракты с Ираном имеет Китай, который в этой связи не будет статистом в процессе урегулирования ядерного кризиса вокруг Ирана.

И последнее. Если говорить о возможном формате выхода из кризиса по ядерной программе Ирана, в первую очередь необходимо думать, как «разрулить» патовую ситуацию с обогащательной программой Тегерана. Я не вижу, каким образом можно убедить иранское руководство отказаться от размещения и использования обогащательных технологий на своей территории. Поворот политики в этом вопросе на 180 градусов нанесет серьезнейший удар по статусу Ирана в регионе, что неприемлемо для руководства страны, а также значительного подрывит позиции любого иранского политика, который примет или санкционирует такое решение. Выход необходимо искать в выводе промышленного обогащения Ирана за пределы национальной территории, т. е. в его переводе в формат многонационального предприятия с сохранением

ограниченного обогащения для исследовательских целей на территории страны под контролем со стороны Международного агентства по атомной энергии включая применение положений Дополнительного протокола к соглашениям о гарантиях Агентства, который дает международным инспекторам больше возможностей контроля над ядерной деятельностью страны. Представляется, что Иран при определенных условиях может быть в этом заинтересован.

Малашенко: Спасибо, Антон. Нам не хватало столь четкого выступления относительно ядерной программы. Безусловно, многое из того, что уже говорилось, можно откорректировать с учетом ваших замечаний. Мне, однако, представляется, что 80% экспертов по разоружению, уверенных в том, что США могут нанести удар по Ирану, — это своего рода «синдром профессионализма». И не будем забывать, что на такой удар всех настраивает нынешний иранский президент.

Несколько слов в заключение. Различия в высказанных на нашем «круглом столе» мнениях не дают возможности делать усредненные выводы. Но мы собрались здесь не для подготовки консенсусной позиции. Наша цель — обменяться взглядами. Поэтому в заключительном слове я буду столь же субъективен, как и вы.

Во-первых, в Иране сохраняется очень сложная экономическая обстановка. Высказывалось мнение, что экономика может заработать, если Ахмадинежаду удастся выполнить свои программы. То есть ему требуется для этого еще один президентский срок. В таком случае на выборах ему вновь придется аргументировать голосование в свою пользу с помощью обещаний.

Во-вторых, нет единства в правящем классе. По сути его не было последние десятилетия, иначе откуда такие колебания — от либерала Хатами до продолжателя революции Ахмадинежада. Сегодня президенту оппонирует влиятельная часть духовенства, которая устала от его харизмы и популизма и опасается за свою политическую судьбу. В стране медленно, но подрастает оппозиция. Она слаба, однако у нее есть перспективы. Это понимает президент, которому придется все с большим вниманием относиться к студенчеству, среди которого крепнет дух либерализма и вестернизма. Здесь говорилось о том, что требования оппозиционеров носят конкретный, если хотите, бытовой характер. Но именно из этого и вытекают впоследствии политические требования. Тем более что в обществе наблюдается усталость от исламского революционаризма, акцент в котором явно сделан на иранской ядерной программе и на внешней политике. По существу это один и тот же вектор.

Таким образом, в-третьих, итоги деятельности нынешнего президента Ахмадинежада отнюдь не гарантируют ему успеха на предстоящих выборах. Пойдет ли он в таких условиях на принятие жестких мер против своих противников? Думаю, нет. Ибо в этом случае они могут объединиться и не только отстранить его от власти, но и предъявить ему обвинения в провале политического курса.

Сегодня на критику ядерной программы наложено табу, а сама она оказалась своеобразной сублимацией национальных интересов. За семью печатями остаются разногласия по поводу ее развития среди правящего класса, тем не менее они есть. И, думается, ее судьба будет решаться не только в ходе диалога Ирана с остальным миром, но и в процессе внутривнутриполитической борьбы. Это — в четвертых.

Рано или поздно все перечисленное осознают оппоненты Ахмадинежада за рубежом. Они уже это поняли. Альтернативы в отношении Ирана более не исчерпываются бомбометанием или военно-хирургическим вмешательством. Похоже, особое внимание теперь будет уделяться «терапевтическим средствам», иными словами, воздействию на политическую элиту, на общество, поддержке умеренных и просто антиахмадинежадовских сил.

Можно бесконечно полемизировать о том, сколь долговечным является исламский дискурс политики и идеологии Ирана, но одно совершенно очевидно: удержать его на высокой ноте становится все труднее. Если исходить из неизбежного размягчения режима, не говоря уже о возврате политики в секулярное русло (что, хотя и нескоро, но тоже возможно), то интрига вокруг ядерной программы предстает в ином свете. В конце концов, начиналась она еще при шахе.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

В серии «Рабочие материалы» Московского Центра Карнеги вышли:

2007

Выпуск 1. Что будет в Туркменистане? «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 23 января 2007 г.

Выпуск 2. *Маррак Гүлдинг.* Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество.

Выпуск 3. *Алексей Арбатов.* Москва — Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики.

Выпуск 4. *Нина Пусенкова.* Восток есть восток: новая нефтегазовая провинция России.

Выпуск 5. *Андрей Макарычев, Сэмюэл А. Грин.* Перспективы прозрачности в российском ресурсодобывающем секторе.

2005

Выпуск 1. *Марта Олкотт.* Владимир Путин и нефтяная политика России.

Выпуск 2. Гражданское общество: экономический и политический подходы.

Выпуск 3. Гражданское общество и политические процессы в регионах.

Выпуск 4. *Владимир Милов, Иван Селивахин.* Проблемы энергетической политики России.

Выпуск 5. *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества.

Выпуск 6. *Анна Бессонова.* Требования ВТО и российское законодательство.

2004

Выпуск 1. *Василий Михеев.* Восточно-азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России.

Выпуск 2. *Алексей Малащенко.* Бродит ли призрак «исламской угрозы»?

Выпуск 3. *Ахмед Ахмедов, Евгения Бессонова, Елена Гришина, Ирина Денисова, Денис Некипелов, Иван Черкашин.* Вступление в ВТО и рынок труда в России.

Выпуск 4. *Ксения Юдаева.* Что ждут от ВТО российские предприятия: результаты опроса.

Выпуск 5. *Константин Козлов, Денис Соколов, Ксения Юдаева.* Инновационная активность российских предприятий.

Выпуск 6. *В. В. Михеев, В. Б. Якубовский, Я. М. Бергер, Г. В. Белокурова.* Северо-Восточная Азия: Энергетические стратегии безопасности.

Выпуск 7. *Андрей Шлейфер, Дэниел Трейсман.* Обычная страна.

Выпуск 8. *Анатолий Ширяев.* Организационно-методическая концепция реформирования военного образования.

Выпуск 9. Влияние российских групп интересов на политику России в отношении Белоруссии.

Выпуск 10. *Рой Алисон.* Центральная Азия и Закавказье: региональное сотрудничество и фактор российской политики.